

Мать жеребенка Яшки ? вислогубая, справная кобыла Марианна. Какими путями достигло такое благозвучное имя далекого уральского села, затерянного в лесах за Камским морем, и прилепилось к кривоногой пегой кобыле ? большая загадка. Сельское предание гласит, будто в ту пору, когда Марианна еще была жеребенком и никакого имени не имела, приезжала в село не то из Молдавии, не то с Камчатки свояченица бригадира, девица в темных очках и желтых штанах, она-то и нарекла от скуки кобылу именем, которое иначе как с насмешкой селянами не произносилось. И вбила ли чего себе в голову Марианна, заимевши нездешнее имя, принимала ли его за издевательство, а скорее всего, от природы она характерная и потому проклята всем населением заречной деревушки от мала до велика. Неделями, иногда месяцами мирно возила Марианна сани с вонючим силосом либо с дровами, но вдруг на нее находило, и тогда она являлась к конюшне с оглоблями, оставивши где-то в лесу возницу, сани и все, что было на санях. Являлась и ждала, когда конюх, опасливо сторонясь, снимет с нее сбрую и поскорее загонит в отдельное стойло, потому как об эту пору Марианна норовила всех лошадей перелягать, взвизгивала по-пороссячьи, крушила ногами заборки, кормушку и вс?, что ей попадалось на глаза. Бывало, когда Марианна не дурит и во благополучии находится, посадит конюх ребятишек на прогнутую уместительную спину ее штук по пяти, и она бережно несет их к долбленой, зеленью взявшейся колоде, что под струйкой ключа уже лет сто, может и больше, мокнет. Неторопливо тянет воду Марианна, сосет ее губами, а ребятишки подсвистывают протяжно, чтобы слаще пилось лошади. Попьет, попьет Марианна, голову поднимет, осмотрится, подумает и, ровно бы сама себе сказавши: "Да пропадите все вы пропадом!", брыкнет задом, ссыплет с себя ребятишек и ударится бежать неизвестно куда и зачем. Хвост у нее трубой, глаза огонь швыряют. Бежит она, бежит и в чей-нибудь двор ворвется, выгонит корову, разметет животных и птиц, устроится в стайке, съест корм и стоит, вроде бы проблемы какие решает. И не выгонишь ее с подворья. Надоест ? сама выйдет, и отчего-то не воротами двор покинет, непременно махнет через забор и отправится к конюшне, еще издали голосом давая знать конюху: мол, иду я, иду!.. Такая вот мама была у жеребенка Яшки. И с родным дитем Марианна обходилась по-своему. То всего заласкает, зубами ему нежно всю гриву переберет, голову ему на спину положит и успокоенно дышит теплом. А то и к вымени не подпускает, не кормит его, визжит, как сварливая баба, отгоняя сына от себя. Яшка ? парень ласковый, ручной, таскается за Марианной, молока требует, внимания к себе и ласки материнской. Лезет с голодухи к другим лошадям жеребенок-несмышленьш, тычется в брюхо без разбору. А его лягают кобылы, люто скалятся табунный жеребец. Совсем замордовали Яшку лошади, и стал он от табуна потихоньку отбиваться. Сначала поблизости бродил, а потом дальше и дальше в лес отклоняться начал.. И однажды Яшка не вернулся с пастьбы домой. Его искали по лесам, по речкам, все старые покосы обошли ? нет Яшки, ушел он из села и от тесной конюшни, покинул маму Марианну. Волки в этой местности не водятся, рыси есть, правда, и медведи есть. Но рысь с Яшкой не совладеет. Может, задрал голодный медведь Яшку либо в колдобину провалился он и пропал? Марианна раскаялась в своем поведении, бегала вокруг деревни, звала Яшку. Но он не откликнулся из лесов. Переключилась Марианна на других жеребят, воспитывать их начала, кормить молоком и ласкать зубами, из-за чего дралась с кобылами. Летом, когда пошли грибы, ягоды и по речке стали бродить рыбаки за хариусами, в заболоченных местах обнаружили они следы лосихи и лосенка, но только след лосенка больше напоминал лошадиные копытца. Как-то приехал в село лесник с дальнего кордона и сказал, что есть в его обходе осиротелая лосиха ? во время грозы и ветровала придавило у нее лосенка лиственницей, и долго металась мать по округе, искала дитенка. Она-то, скорее всего, и приголубила Яшку. Кто поверил этому, кто посмеялся, посчитавши такое предположение досужей небылицей. Ближе к осени пошли лоси на водяную траву и держались у речки. Чаще и чаще стали попадаться широкие следы лосихи и рядом, уже глубокие, четко пропечатанные, следы лошадиных копыт. Увидели Яшку деревенские ребятишки, бравшие у речки черемуху. Он вышел из пихтача на поляну со старой комолой лосихой и остановился чуть и отдалении, изумленно глядя на людей. Лосиха потрясла головой и выпрямила уши. Яшка, с гривой и хвостом до земли, переступал сильными, пружинистыми ногами, готовый прыгнуть в сторону и исчезнуть в пихтаче. Он уже окреп и напоминал подростка с налившимся телом и мускулами, но еще вовсе не сложившегося. ? Яшка! Яшка! ? позвали ягодники. Угадали они его по светлой проточине, стекающей со лба до храпа из-под спутанной челки, да по желтой, былинно отросшей гриве и хвосту. Взгляд у Яшки чужой, мускулы комьями перекатываются под кожей, натянут он весь, напружинен. ? Яшка! Яшка! Протягивая ломтик хлеба, несмело двинулись ребята к Яшке. Яшка поставил зайчиком уши,

Астафьев Виктор Петрович Яшка-лось astafevvictor.ru

заслышав свое имя, но, когда люди стали подходить ближе, вытянул по-змеиному шею, прижал уши, захрапел и грозно кинул землю копытами. Лосиха загородила Яшку, оттерла его в пихтач и увела за собой. В глуби леса, на травянистой гриве, Яшка остановился, задрал голову к вершинам лиственниц и пустил по горам протяжный крик. Был его голос высок, переливчат и свободен, как у птицы. Преследовали Яшку колхозники долго, видели издали не раз, но он не подпускал людей к себе, и поймать его не могли. Осень пришла, начались свадьбы у сохатых, и лосиха покинула Яшку, ушла на угрюмый призыв быка, стоявшего в густых зарослях ольховника, запутанного бражно пахнущим хмелем. Яшка по следу вынюхал лосиху и сунулся в спутанный хмель. Но долговязый бык ? зверь в иное время смирный и добрый, одурел от страсти, что ли, с налитыми кровью глазами так шугнул непрошеного гостя, что мчался Яшка верст пять без передышки, треща валежником, ломая кусты и тонкие деревца. Потерял и вторую мать Яшка. Подули холодные ветры. Облетел лист. На траву стал падать белый иней. Болотца и речку в затишьях ночами прихватывало ледком. Обеспокоились птицы, в стаи сбились и с протяжными криками двинулись в дальний путь. Шерсть на Яшке сделалась густа и длинна, даже ноги до самых копыт взялись мохнатым подпушком. Так вот у боровой птицы к снегу и холодам обрастают лапы ? сама природа утепляет жителей своих, и Яшку она тоже утепляла. Несколько раз еще Яшка находил старую лосиху в поределой тайге. Но она не узнавала его и не подпускала к себе. Одиноко делалось Яшке в притихшем, сиротски раздетом лесу, потянуло его к живой душе, в тепло потянуло, и он начал спускаться с гор вниз по речке и однажды оказался у загородки, обнюхал ее ? жерди пахли назьмом, конской и коровьей шерстью, а из-за поскотины наносило дымом. Яшка двинулся вдоль загороди, часто вскидывал голову, прислушивался. Больше и больше попадалось в траве конских, коровьих и козьих следов. Травы была выедена, выбита копытами и загажена лепешками. Яшка брезгливо фыркнул. У распахнутых ворот поскотины он нерешительно остановился, втянул дрожащими ноздрями воздух и среди многих запахов выделил один ? запах сухой, приморенной травы. Он пошел на этот запах, будто по протянутой нитке, и среди поляны увидел темный, засыпанный палыми листьями зарод. Яшка подошел к зароду, начал торопливо тереть из него сухой клевер и жадно хрумкать. За поляной, по скатым берегам над речкою темнели зароды, много зародов, и над ними столбился дым, слышались там людские голоса, стук топора, собачий лай и много другого, нетаежного шума было там. Он тревожил Яшку и о чем-то ему напоминал. Яшка натоптал объеди и стал спать возле сметанного клевера, а днем уходил в лес. Здесь его снова увидели ребятишки, молча оцепили. Он стоял в кругу притихших ребятишек, длиннохвостый, мохнатый, с узкой диковатой мордой, и, чуть слышно похрапывая, по-звериному обнажал зубы. Оробели ребятишки, отступили, и Яшка хватил в лес, умчался, треща валежником. Но голод выгнал его снова к селу, и снова пришли ребятишки, стали протягивать ему клочья сена, хлеб. Привыкая к людям, Яшка не скалился, не храпел, но еду из рук не брал. Один раз, выйдя из-за поскотины, остановился Яшка ? в ноздри его ударил вонючий запах. Долго кружился Яшка, не решаясь подходить близко к селу. На сенной объеди кто-то лежал, храпя, что-то наговаривая и ругаясь. Далекий проблеск памяти мелькнул: табун лошадей разбродно тащится за человеком, который, шатаясь, идет по полю. Он то падает, то долго поднимается ? сначала на четвереньки, а потом уж как полагается человеку. Но сражает его усталость, и он валится окончательно, лошади, рассыпавшись, пасутся вокруг пластом лежащего человека, и среди них жеребенчишко ходит, любопытно вытягивает шею, слушает, как всхрапывает и ругается поверженный человек. Яшка подошел к зароду. По запаху, по разорванной на груди рубахе, по лохматому волосу на голове узнал его ? это был ругливый, шумный человек, но лошади почему-то любили его. Никто не любил, а лошади любили. Может быть, потому, что с раннего возраста привыкали к нему, пьяному, с людьми грубому. И с ними, с лошадьми, он обходился не лучше ? ругал их, но кормил и разговаривал так, будто все они должны были его понимать. Человек проснулся, сел и потряс головой. Яшка отскочил сажени на три, боком встал, повернул голову. ? Ты где шляесси? ? спросил человек. ? Ты что об себе понимаешь, иуда? Значит, я за тебя отвечаю, а ты, значит, вольничаешь? ? Яшка запрядал ушами, переступил, и это не понравилось человеку. ? Пляшешь, пала, танцуешь? А робить кто будет? ? Тут человек вскочил с земли и с кулаками бросился на Яшку. Яшка отбежал, остановился. Человек грозил ему кулаком, ругался, а потом сказал: ? Сам придешь, пала, сам! Голодуха тебя, бродягу, домой пригонит! ? И ушел, хромя на обе ноги, разговаривая сам с собою. Вместе с ним уплыл и тяжелый болотный запах. А назавтра исчез с поля зарод ? увезли его по велению бригадира. Одонья зарода хватило ненадолго, да и снег уже выпал к этой поре, завалил траву, приморозило заросли в речке. Вскорости мороз ударил, взялась первая метель. Яшка пришел в деревню. Сам пришел. Остановился среди улицы, протяжно заржал. ? Лови его, змея! ? закричал бригадир. Прибежали люди. Яшка шарахнулся от них, но его поймали арканом, и Яшка чуть было не задавился,

ошалев от страха, криков и петли, больно сдавившей горло. Бригадир схватился за удавку, ослабил ее, и когда Яшка отдышался, водворили его в темную и душную конюшню, пнув напоследок в пах. Яшка кричал, метался в стойле и ничего не ел. Тогда бригадир еще раз громко заругался и подпустил к нему Марианну. Сын с матерью долго бились в тесном стойле, но потом привыкли друг к другу, обнюхались и ели из одной кормушки овес и сено. С Марианной и на улицу выпустили Яшку. Он ударился в лес бежать, но в первом же овраге ухнул по брюхо в снег, забился там бешено, потом, обессиленный, осел в сугроб и запришлепывал плачущими губами. ? А-а, морда беспачпортная! В лес тебе, в ле-ес! Я те покажу ле-ес! ? закричал бригадир и погнал Марианну. Та деловито спустилась в овраг и, где лягаясь, где боком подталкивая, выдворила блудного сына на дорогу. Гриву и хвост Яшке подстригли, длинную шерсть прочесали скребком и попробовали объезжать. Многих наездников поскидывал с себя Яшка, не раз в бега пускался, но бескормная зима, снега глубокие загоняли его обратно в село. А когда взгромоздился в седло бригадир, Яшка присмирел, не решился сбросить человека с худыми ногами. Он позволил надеть на себя узду, хотя и кровенил железные удила, пробуя их перегрызть. ? Вот так вот! ? самодовольно сказал бригадир. ? Я ведмедя топором зарубил по пьянке, тигру немецкую пэтээрм угробил, и ты у меня еще сено возить будешь! Однако в санях и телеге так и не стал ходить Яшка. Он побил почти весь колхозный гужевой инвентарь, и на него рукой махнул даже бригадир. Верховой лошастью сделался Яшка. Называли его теперь на селе Яшкой-лосем, любили за красоту, но побаивались жеребца, потому как дикий его характер обнаруживал себя. В колхозном табуне он сделался вожаком, и даже сама Марианна относилась к нему с почтением. Ездил на Яшке чаще всего главный заречный начальник ? колхозный бригадир. Отправится он посмотреть дальние поля либо нарезать покосы, и мчится Яшка, как полевой ветер, стремительно, без рывков, но вдруг застопорит, остановится разом, и летит тогда ласточкой через голову жеребца выпивший и сонный бригадир. А Яшка втянет воздух с прихрапом, вслушается в тайгу, заржет длинно, переливчато ? и голос его летит по горам, повторяясь в распадках, закатится в таежную даль, замрет где-то высоко-высоко. Кого, Яшка, зовешь? Кого кличешь? Старую лосиху? Но она бродит по тайге со своим уже дитем, ушастым сереньким лосенком. Или тайгу пытаешь ? примет ли она тебя снова? Не примет, Яшка, не примет. У тайги свои законы. В тайге живут вольные птицы, вольные звери. Они сами себе добывают корм, сами себя пасут и охраняют. Им нет дела до тебя, пищу и тепло от людей принимающего. Позвякивают удила, стучат кованые копыта о коренья. Мчится жеребец с седоком на спине, и лопочут листья над его головой, таежный ветер, папоротный запах тревожит его нюх, урманной прелью мутит и хмелит ему голову, ветер шевелит желтую гриву и гонит, и гонит Яшку в потаенную темень краснолесья. Все отрадней и громче фыркает Яшка, выбрасывая из ноздрей стоялый дух конюшни. Все громче стучат его копыта. Все стремительней его бег. Ликует сердце Яшки, и кажется ему ? никогда уж он не остановится, а все будет лететь и лететь по бескрайней тайге, вдыхая ее животворный дух, и все в нем будет петь, радуясь раздолью, свободе и живому миру. Так вот и жил диковатый Яшка своей лошадиной жизнью и дожил до тянучей весны, о которой, как о плохом лете, говорят: "Два лета по зиме, одно само по себе". Та весна была сама по себе. Она взялась вымещать за осень, в которую до Дня Конституции ходили по Камскому морю порожние пароходы меж зябких, мокрым снегом покрытых берегов. Уже в конце февраля на припеках прострелились почки на вербах и белым крапом мохнатых шишечек осыпало угревные опушки леса. В марте дыхнуло сырым ветром с юга, быстро съело нетолстый слой снега на льду моря и погнало по нему волну так, что издали море казалось уже полым. Вода быстро проела щели во льду и ушла под него. Проплешистый голый лед начал нехотя пропадать и стачиваться. Но крутыми мартовскими утренниками он делался стеклянным, и тогда катались по нему на коньках ребяташки, развернув полы пальтишек, как паруса, и гоняли ошалевшие от простора пьяные мотоциклисты, падая и увечась. ? Рано началась весна ? на позднее наведет! ? говорили селяне. Так оно и вышло. Не раз еще покрывало лед на море метелями и снова сгоняло снега теплым ветром. Солнца было мало, и дожди не шли. Худой лед угрюмо, пустынно темнел от берега до берега, не давая никакого хода никому. Отрезанные от кирпичного завода неезжалым и даже для пеших людей непригодным льдом, бедовали селяне праздники без вина. Брагу и самогонку они прикончили еще в пасху, а к Первомаю ничего не осталось. Селяне уныло ходили толпой по вытаявшему берегу, играли на гармошках грустные песни и кляли небесную канцелярию, которая так сильно надругалась над ними, лишив их выпивки. Бригадир достал с полатей старый, еще с войны привезенный бинокль с одним выбитым стеклом и глядел на другую сторону Камского моря, где бойко дымил трубою кирпичный завод. Были там магазины, клуб, и люди вели не той стороне праздник с размахом, без тоски и забот. Надо заметить, что бригадир пил каждый день, начиная с сорок второго года, с тех самых пор, как отпущен был из госпиталя по ранению. Ноги у

него были обе перебиты, и он, как Чингисхан, почти не слезал с коня, разве что ночью, поспать... К нему к такому привыкли не только лошади, но и бабы из заречной бригады и теперь пугались его трезвого, потому как сделался он мрачен, молчалив, не крыл их привычно, не орал сиплым, сгоревшим от денатурата голосом. Он и не замечал празднично одетых баб, не занимался никакими делами, а все смотрел в бинокль, и руки у него дрожали, а в глазах с красными прожилками стояла голодная печаль. И большое недоумение угадывалось во всем его большом теле и лице, побритом по случаю праздника. Хватило бригадира лишь на половину праздника. Второго мая рано утром он заседлал Яшку и погнал его на лед. Жена бригадира, ребяташки его и вся бригада облепили коня. Схватили бабы Яшку кто за узду, кто за гриву? не давали ему хода. Яшка, напугавшись криков, плача, многолюдства, голо чернеющего источенного льда с промоинами у берегов, храпел, пытался. А бригадир, осатанелый от трезвости, лупил кнутом Яшку, и жену, и детей да и отбился от народа? раскидал его и бросил Яшку вперед. Яшка встал, на дыбы, всхрапывая, плясал у промоины на камешнике, выкатив ошалело глаза. Но вдруг сжался пружиной, хакнул ноздрями, рысиным прыжком перемахнул промоину и, вытянувшись шеей, как птица в полете, понес бригадира. Он не шел, он слепо летел по горбам выгнувшейся рыжей зимней дороге, порванной в изгибах верховой водою, касаясь ее копытами так, будто жглась дорога. Возле дороги стояли вешки. Иные из них уже вытаяли, упали, а там, где были стерженьки деревцев и веток, проело дыры во льду. С говором и хрипом катилась вода в лунки, закруживая воронками мокрый назем, щепу и сажу, налетевшую на лед из трубы кирпичного завода. Не шарахался Яшка от живых, вертящих пену и сор воронок, от зевасто открытых щелей с обточенным водою губастым льдом, перемахивал их, весь вытянувшись, весь распластавшись в полете. Или бег увлек жеребца, или поверил он в опору, но ослабился, понес седока ровным наметом, скорее, скорее к другому берегу, до которого было версты три, а может и четыре. Он не прошел и половину дороги. Лед мягко, беззвучно, как болотина, просел под ним. Таежный инстинкт сработал в Яшке раньше, чем он испугался. Яшка рванулся, выбросил себя из провала, поймался передними копытами за кромку полыньи, закипевшей под ним, зашевелившейся водою и обломками льда. Бригадир скатился через голову Яшки на лед, пополз от него, вытягивая жеребца за повод. Яшка задирает голову, тянулся на поводу, звенел удилами, но лед, как черствый хлеб, ломался под ним ломтями. Бригадир, лежа в мокроте, все тянул и звал сиплым, осевшим голосом: ? Яшка, ну! Яшка, ну! Осилься! Осилься! Ну, ну, ну!.. Яшка крушил копытами лед, рвался на призывный голос человека, выбрасывал затяжелевшее от мокроты тело свое наверх. Он, будто руками, хватался копытами за лед, скреб его подковами, храпел, и что-то охало в нем от напряжения и борьбы. По-кошачьи изогнувшись, он выполз из полыньи до половины. Еще одно усилие, и выбрался бы Яшка из полыньи, но в это время свернулось и упало ему под брюхо седло, брякнув по льду стремянами. Яшку сдергивало в воду. Скрежетали, цеплялись яростные копыта за кромку полыньи, резало льдом шерсть, кожу на ногах, рвало сухожилия. Лед свинцово прогнулся и осел под Яшкой. Он ухнул в холодное кипящее крошево с головою. Его накрыло всего, лишь всплыла желтая грива, и рвало ее, путало резучими комьями льда. Над Камским морем, над Яшкой, бултыхающимся в полынье, над бригадиром, который разматал и сбросил ременный повод с кулака, чтобы и его не стащило в ледяной провал, вертелся и пел жаворонок. Метались далеко люди в цветастых платках, и зеленовато-серым туманом качался косогор за исполосованным вешними ручьями глинистым яром. Яшка еще раз, последним уже усилием, выбил себя из воды, взметнулся пробкою и закашлял, выбрасывая ноздрями воду и кровь. Бригадир уже не звал его, не кликал. Он отползал от Яшки все дальше и дальше и, безбожный, давно не только молитвы, но все человеческое утративший, повторял сведенными страхом губами: ? С-споди, помилу... с-споди, помилу... Яшка увидел мерцающий вдали берег с затаившимся снегом в логах, темнеющий лес по горам, услышал жаворонок и заплакал слезами, а заплакав, крикнул вдруг пронзительно и высоко. И услышал издали, с берега: ? Я-ашенька-а-а! Вода тянула его вглубь, вбирала в себя, подкатывала к горлу, сдавливала дых и пошла в губы, подернутые красной пеной, в оскаленный рот, хлестанула в ноздри и вымыла из них бурый клуб крови. Тяжко упала узкая голова жеребца, разом, будто перержавевшая, сломилась его шея. Вот и круп залило, и спину сдавило водой, комья разбитого льда выкатывались наверх, и крутило их в полынье. В глазах Яшка унес далеко синеватый оком лес, качающегося по горам, голый берег с пробуждающейся травой и рассеченное облако, в которое ввинтился жаворонок, ? вс? ушло к солнцу и расплавилось в нем. Еще какое-то время желтела мокрая грива на ноздрястой пластушине льда, еще кружило, воду и мусор в полынье ? это в последних судорогах бился жеребец Яшка, погружаясь вглубь. Сползла, стянувшись со льдины и желтая грива. Мелькнула ярким платом и исчезла, оставив на льду ключья обрезанных волос. Наверх мячиками выкатились и лопнули пузыри, взбурлило раз-другой, и все успокоилось, стихло, и запорошенная

Астафьев Виктор Петрович Яшка-лось astafevvictor.ru
попынька сомкнулась над Яшкой. Все так же бился, трепетал жаворонок в небе, светило ярко солнце, рокотали и мчались из логов снеговые ручьи и курился дымком лес на горах. А на берегу с визгом, плачем, с мужицкими матюками били бабы бригадира. Мокрый, драный, он катался по земле, выливая воду из сапог, и взывал, как о милости: ? Убейте меня! Убейте меня!.. Жена не дала забить его насмерть, отобрала мужа, которому уж и не рада была и намаливала ему смерти. Но вот как дошло до нее, до смерти-то, она утратилась, ползала на коленях по земле, молила освирепевших баб, заклинала их и успевала вырывать из рук дреколье, какое поувесистей. Она спрятала избитого мужа на сеновале и носила ему туда еду, покудова село не успокоилось. Через неделю сошел-таки лед с Камского моря, осел, затонул, растворился. Началась весенняя страда, и бригадир, снова пьяный, на другой уже лошади, ездил по полям заречным императором, крыл сверху всех по делу и без дела и, если ему напоминали о Яшке, скорее скрывался с глаз долой, грозясь и стегая лошадь. А Яшку вынесло верстах в пяти ниже села на песчаный обмысок. Над ним закружились вороны, стали расклевывать его. Обмысок, на который вынесло Яшку, был возле пионерлагеря, и когда готовили его к сезону, то закопали дохлую лошадь в песок, а вскорости гидростанция начала копить воду, сработанную за зиму, и обмысок покрыло вместе с Яшкой водою, и он навсегда исчез от людей. Бригадира отдали под суд, но на вызовы в суд он не являлся: то был пьян, то занят, и так вот проволынил лето. Осенью, к юбилею нашего государства вышла амнистия, и дело о погублении коня Яшки-лося было закрыто. 1967

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!